

18+

ДМИТРИЙ ЯНКОВСКИЙ

ШТУРМ БЕЗДНЫ: ПРОРЫВ

Цикл
ОХОТНИК

Дмитрий Янковский

**Штурм бездны: Прорыв.
Цикл «Охотник»**

«Издательские решения»

Янковский Д.

Штурм бездны: Прорыв. Цикл «Охотник» / Д. Янковский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-593922-7

Битва за океаны продолжается. Теперь команде охотников под руководством Долговязого придется столкнуться с такими рукотворными монстрами, о которых никто даже не слышал. Жуткие твари, притаившиеся в глубине, разумные торпеды и мины не ведают жалости. Но что опаснее, они сами, или неожиданный человеческий фактор?

ISBN 978-5-00-593922-7

© Янковский Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. «Тьма»	6
Глава 2. «Игра воображения»	11
Глава 3. «Жабры»	16
Глава 4. «Дикий»	21
Глава 5. «Предположение»	26
Глава 6. «Наименьшее зло»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Штурм бездны: Прорыв

Цикл «Охотник»

Дмитрий Янковский

© Дмитрий Янковский, 2022

ISBN 978-5-0059-3922-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. «Тьма»

Можно ко многому привыкнуть, но только не к темноте у океанского дна на глубине в четыре километра. Привыкнуть можно к давлению, от которого даже в жидкостном скафандре ноют кости, к тяжести боевого каркаса, к холоду. Но темнота – это другое. Она телу не угрожает. Сама по себе она вообще никаких опасностей не несет, но будит в недрах подсознания образы столь жутких чудовищ, что им нет истинных названий ни на одном из существующих языков, да и на мертвых тоже. В те времена, когда подобные твари могли выскочить из темноты в любой миг, люди еще разговаривать не умели толком, лишь мычали, махали руками и издавали гортанные звуки. Это потом уже палеонтологи навывдумывали названий, но это совсем не то, что выкрикивали первобытные люди перед тем, как их перекусят надвое и утащат во тьму.

Затем, не без помощи древних охотников, твари вымерли. В городах выросли каменные дома, наполненные электрическим светом, но в глубине подсознания все осталось, как прежде. Там свирепые плейстоценовые хищники как жили, так и продолжают жить, именно они вызывают выбросы адреналина, стоит оказаться в крошечной тьме.

Тьма же на глубине именно крошечная, иначе не скажешь. Сколько бы ни пылало Солнце, но ни один квант его света не способен пробиться ниже отметки в сто метров. На базальтовом дне океана лишь тьма, ледяной холод и безжизненные пространства на тысячи километров. Фонари тут бессильны, даже самые мощные. Свет торчит из прожектора на шлеме, как лезвие, режет тьму, будто резину, а не освещает вообще ничего. Внутри луча слишком ярко, зрачки сужаются, и все равно ничего не видать, а за пределами светового конуса лишь тьма.

Еще при первых вылазках с базы «DIP-24-200» мы поняли, что жидкостные сверхглубинные аппараты линейки «СГАК» фонарями можно было вообще не укомплектовывать – пустая затея. К счастью, пиротехники сделали для нас специальные осветительные ракеты «СГОР-4», мы их сразу прозвали «светлячками». Лишь от них был толк в глубине. Без них вообще беда. Мы их в каждое патрулирование брали примерно в два раза больше, чем требовалось, потому что одна лишь мысль остаться без света включала дремучий inferнальный ужас, с ним шагу не ступить, не заставить тело выполнять команды мозга, словно тебя парализовало. Не у одного меня так, абсолютно у всех, хотя всем нам приходилось подолгу оставаться во тьме, чтобы прятаться от тварей, и всем это давалось не без труда.

Я не особо религиозен, но уверен, если где-то во Вселенной есть нечто подобное библейскому аду, то оно должно быть наполнено тьмой, а огонь, на котором варят смолу для грешников, надо разводить в каком-то отдельном закрытом помещении. Иначе вечного страдания не получится. Ко всему можно привыкнуть, даже к кипящей смоле, но только не к тьме. Останься во тьме надолго, крыша точно съедет, даже вообще без кипящей смолы.

На практике же все было еще хуже. На практике, хотя плейстоценовая эра давно закончилась, на дне океана властвовала не только тьма, но встречались и жуткие монстры, ее населяющие. Подобно древним охотникам, мы несколько раз в неделю выбирались с глубоководной базы, как из пещеры, и патрулировали окрестности.

Если бы не «светлячки», в таких условиях работать было бы решительно невозможно, а так рукотворное солнце висело над нами, освещая унылый базальтовый ландшафт, искрящийся частицами ила. Стоило «светлячку» начать гаснуть, Бак запускал еще одну ракету, обеспечивающую нам четыре минуты света. Я же тащил на себе другой груз – саперное снаряжение, включая акустический комплекс, автономные буи для установки помех и дальнобойные малокалиберные ракеты, способные наводиться на радарные биотехнологические метки.

В течение четырех лет нашей вахты на «DIP-24-200», мы разработали совершенно новую тактику подводной охоты, которую до нас никто не использовал. Мы ей даже название дали – донная охота. Очень точное название, отражающее самую суть.

Дело в том, что раньше для уничтожения одного крупного биотеха требовалась целая флотилия, да и то, исход такой схватки никто бы не взялся в точности предсказать. Проблема состояла в том, что все твари, живые торпеды, мины, даже автономных классов и патрульные, были привязаны к какой-то из донных платформ, выполняющей роль командира отряда, или скорее правителя территории. Уничтожать торпеды хоть по одиночке, хоть целыми стадами, было совершенно бессмысленно, так как из икры и личинок наплодятся новые, платформа возьмет над ними контроль, и численность нашего противника восстановится. Это все равно, что воду решетом носить. Совсем другое дело – уничтожить саму платформу. Тогда мины, не способные активно перемещаться, остаются сами по себе, а мобильные торпеды уходят из акватории в зону действия другой платформы. Таким образом, грубо говоря, одним выстрелом можно было очистить круг радиусом километров десять, а это не мало, когда речь идет о прибрежных зонах.

Вот только одним выстрелом этого сделать не получалось. Платформы выращивали вокруг себя столь мощное боевое охранение, что через него никак не пробиться – хоть стреляй, хоть бомбы кидай, все бессмысленно. Любые снаряды будут перехвачены, на любых скоростях, под любыми мыслимыми и немыслимыми углами к атакуемой цели.

Поэтому раньше, еще при Вершинском, платформы уничтожались массированными ударами, силами флотилии из нескольких кораблей с ракетно-бомбовыми установками, туда же входили бронированные тяжеловооруженные амфибии, а так же несколько реактивных батипланов, способных уходить от биотехов за счет весомого преимущества в скорости. Все это требовало высоких затрат и не гарантировало успеха. Биотехи брали числом, иногда они могли часами стекаться со всех направлений, пока у людей не кончатся боеприпасы. Ну, а как кончатся – конец. Даже на гравилетах не провести эвакуацию, так как донные платформы с высочайшей эффективностью уничтожали низколетящие цели пуском биотехнологических ракет, выращенных в мышечных полостях шахт.

Но Бак еще пять лет назад придумал кардинально другую тактику. Раньше такое в голову никому бы не пришло – вылезти из под брони в океане и сражаться с тварями в качестве боевого пловца. Биотехов боялись не на рациональном, а скорее на мистическом уровне, но Бак исходил из идеи, что искусственные твари ничем не отличаются от обычных хищников, от акул, например, которые не обладают способностями к ясновидению, они могут лишь увидеть, услышать или учуять боевого пловца при помощи обоняния. В общем, Бак выдвинул предположение, что к платформе можно незаметно подкрасться, не потревожив боевое охранение.

Поначалу даже я над ним поржал, не говоря уж о начальстве в адмиралтействе. К тактике массированных ударов силами батипланов и кораблей при поддержке ударных гравилетов все привыкли, о другой даже не думали. Но Бак сумел доказать, что прав. У него хватило смелости подкрасться к крупной мине и пристрелить ее из гарпунного карабина еще до того, как отряд охотников оснастили жидкостными скафандрами линейки «ГАДЖ». Потом они появились в нашем отдельном взводе, и мы над Баком ржать перестали, а начали изучать новые возможности.

Так родилась тактика донной охоты, так возник сначала наш отдельный взвод донников, затем другие пошли по нашим стопам.

За четыре года донникам в разных частях мирового океана удалось уничтожить или взять под контроль сотни ракетных платформ на океанском дне. На очищенных территориях оставалось лишь проводить регулярное патрулирование, чтобы новая платформа не выросла из личинки. Пока она еще молодая, пока не обзавелась мощным боевым охранением, ее втроем, а то и вдвоем можно убить. Без запредельных усилий.

Нас это увлекло. Бывало, что мы буквально жили в жидкостных аппаратах, проводя по много часов вне базы, в патрульных и боевых рейдах. Работа была трудной, но зато и отпуск у нас был по три раза в год, мы возвращались на Тринидад, я к жене и дочке, остальные просто лентяйничать, знакомиться с курортницами на пляжах, пить коктейли и ловить рыбу.

Но в этот раз мы шли не на разведку, мы шли убивать. Беспилотник класса «Катран», который барражировал по спирали с левой циркуляцией по всей подотчетной нам зоне, засек на краю акватории сразу две потенциально опасных биотехнологических метки. Одна принадлежала растущей платформе, другая невообразимо крупной мине неизвестного класса. Ее метка обозначалась на радаре как «СМТК-200», и цифра, означающая массу боевого заряда, явно была не в килограммах, а в тоннах. Такая долбанет, мало не покажется.

Никто из нас не понимал, каким образом мина успела незаметно для нас нажрать столько нитрожира, мы должны были или сами ее отследить на патрулировании, или по данным с «Катрана» вычислить, но гораздо раньше. Однако не случилось. Почему – не понятно.

Это означало, что мы или с интерпретацией данных радара ошиблись, и масса нитрожира составляла двести килограммов, а не двести тонн, как у кита, на минуточку, или биотехи придумали что-то новенькое, с чем мы раньше не сталкивались.

От беспилотника в таких случаях толку ноль. Он ничего, кроме радарных меток, передать нам не может. Боевое охранение платформы, даже если оно совсем хлипкое, уничтожит дрон на подходе, не дав ему передать ни изображение с камер, ни данные сонара. Так что это пустое, мы это еще четыре года назад поняли. Дроны хороши с пиратами воевать, там им цены нет, а тут, в глубине, от них толку значительно меньше. Тут нужны люди, да не абы какие, а с достаточным для этого опытом, с наработанными до автоматизма навыками и высочайшей психической устойчивостью.

Час назад мы с Рипли, Баком и Викингом выдвинулись с базы на батиплане «Валерка» в юго-западном направлении. Но до самой цели двигаться на батиплане нельзя, так как его твари издалека услышат, бросятся в атаку, нам придется связать себя боем, вместо того, чтобы нанести удар по главной цели. Именно чтобы избежать этого была придумана тактика донной охоты.

Так что батиплан мы оставили на безопасной дистанции, с Рипли за штурвалом и Викингом в кресле огневого комплекса. Затем, вдвоем с Баком, выдвинулись пешим порядком к намеченной цели. После выстрела в главную цель мы неизбежно выдадим свою огневую позицию, и на нас ринется все боевое охранение. Тут-то, настанет черед Рипли и Викингу нас прикрыть плотным огнем, дать отойти, взять на борт, и дать ходу.

Обычно такие атаки донников заканчивались тем, что батиплан уводил за собой все боевое охранение убитой платформы, а на подходе к глубоководной базе, тварей тупо уничтожали всех до единой огнем из стационарных огневых комплексов, и на этом дело заканчивалось. Но в нашем случае такой тактический ход не прокатит, нам драпать придется до берега, под прикрытие батарей, а не на базу «DIP-24-200». На базе у нас оставался только салага по прозвищу Дикий, у него не было ключа от огневого комплекса, а потому он не мог отразить атаку тварей, когда они приличной ордой увяжутся за батипланом.

При работе в жидкостном скафандре легкие боевого пловца заполнены несжимаемым «рассолом», чтобы грудную клетку не раздавило чудовищным давлением глубины. Говорить в таком состоянии невозможно, поэтому мы общались на дне жестами Языка Охотников, которые вычислитель скафандра переводил в текст на визоре шлема.

«Еще два „светлячка“, и уходим в режим маскировки», – передал я Баку.

«Принял, готов», – ответил он.

У меня чаще забило сердце. Это было самое трудное в работе охотника-донника – выход на огневую позицию в режиме затрудненного обнаружения. Тут уже никаких «светлячков», и даже никакого фонаря на шлеме, тут уже все. Тьма. Полная. Причем, довольно

надолго. В режиме затрудненного обнаружения мы не могли пользоваться любыми активными средствами, даже сонар включать было нельзя. Все, что мы могли – наблюдать за радарными метками на визоре шлема, а так же улавливать звуки и другие сигналы в пассивном режиме. В общем, то еще развлечение. Не для слабых нервов.

Не смотря на тренировки, не смотря на опыт, мне все равно было не по себе в ожидании, когда погаснет последний «светлячок». Вот он начал меркнуть, и я не стал растягивать эту пытку, закрыл глаза, а когда открыл, меня окружала первобытная тьма. Она и за миллиарды лет до появления человека тут была, и сейчас заполняла пространство, и даже когда Солнце распухнет в предсмертной агонии, когда поверхность океана закипит от нарастающего жара, тут, на дне, останется такая же тьма и такой же ледяной холод.

Я установил приборы на грунт, включил акустическую станцию и она принялась вслушиваться в едва различимые колебания, распространяющиеся в водной стихии. В первую очередь это были отголоски ультразвуковых выкриков, которыми биотехи прощупывали пространство во тьме.

Квантовый вычислитель на колбе Марковича собирал данные по крупницам, складывал общую интерференционную картину за длительный промежуток времени, вычислял распространение ультразвука в воде, отражение его от препятствий, соединял это с данными радарных меток. Результатом работы становилась объемная картина расположения, формы и размера объектов, попадающих в зону действия ультразвука, который издавали твари. Грубо говоря, мы видели их сонарами, они сканировали пространство в активном режиме, а мы снимали создаваемую ими волновую картину в пассивном режиме и на большом расстоянии. Вычислительная мощь для этого требовалась колоссальная, но люди вообще на протяжении всей своей истории не стремились экономить ресурсы, когда им что-то сильно приспичит.

Вот это была охота, так охота. Спрятаться, затаиться во тьме, оставаясь неслышимым, невидимым для противника, следить за ним, а потом напасть, неожиданно и мощно. Это вам не из ракетно-бомбовых установок молотить, как бывало во времена Вершинского.

«Есть картинка, – передал я Баку через две минуты, потребовавшихся на обработку данных. – Тебе послышно кинуть, или изометрию?»

«Давай изометрию для начала».

Я передал ему результат вычислений, и мы некоторое время разглядывали получившуюся проекцию. Платформа, как и ожидалось, была совсем молодой, и мышечные полости шахт у нее еще не сформировались до такой степени, чтобы в них могли созреть ракеты. Допускать их созревания было никак нельзя, потому что в двенадцати километрах к северу, вполне в зоне поражения, находилась биологическая станция «Тапрабани». Если платформа ударит по плавающей станции ракетами, мало не покажется. Даже охотникам не всегда в таких случаях хватало мощности противовоздушной обороны, а у гражданских шансов вообще ноль.

Не смотря на юный возраст, платформа сумела сформировать неплохое боевое охранение, состоявшее из вполне зрелых торпед, среди которых даже «ГАТ-120» были сильно не самыми крупными. Создавалось ощущение, что платформа готовится к нападению на портовый объект или на «Тапрабани», потому что для охоты за надводными кораблями торпеды нужны пошустрее и полегче, вроде «Стрелок» или «Сирен». Тут же преобладали внушительные калибры, специально предназначенные для разрушения пирсовых зон и наземных прибрежных строений. Меня поразило другое – общая численность твари в боевом охранении. Их были, без преувеличения, сотни и сотни, столько мне еще видеть не доводилось.

Но одна мина привлекла наше повышенное внимание. С первого взгляда было ясно, что это именно та тварь, данные о которой мы получили с «Катрана», и размерчик у нее был такой, что барракуда его дерит. Двести тонн, за милую душу. Она была покрупнее кита, и похожа была на кита, если бы его за хвост привязали к якорному жгуту. Я видывал похожих тварей в Атлантике, но все же они поменьше были, минимум на треть.

Столь здоровенная мина никак не могла входить в боевое охранение молодой платформы. Ей чтобы вырасти до таких размеров, нужно полгода, не меньше, а платформе было месяца два, максимум три. Так что это скорее платформа зачем-то прибилась к крупному зрелому биотеху и решила закончить рост поближе к нему.

То, что мы такую крупную мину прозевали во время патрулирования, меня не удивляло. Столь мощные биотехи вырастали в глубоких расщелинах дна, питаясь планктоном, а иногда и чем пожирнее. Крупнотоннажные мины большую часть жизни прятались, не разменивались по пустякам, а взрывались только при полной уверенности, что поразят достойную цель. Достойной же целью для подобной громадины мог стать, к примеру, караван из нескольких судов, или звено батипланов. Но точно не одиночная цель.

Наличие сверхтяжелой мины объясняло и размер внушительного боевого охранения у молодой платформы. Дело в том, что крупные мины частенько обзаводились собственным боевым охранением, а платформа к нему просто примазалась в силу своего заводского статуса. У биотехов была строгая иерархия, с ней никто из них не мог поспорить, эти инстинкты в них закладывались на генетическом уровне при производстве икры и личинок.

«Это ловушка», – передал я Баку.

«На кого?»

«На охотников. Мы эту мину случайно засекли. Я думаю, она изредка поднимается из глубокой расщелины, чтобы подышать в более богатой кислородом воде. Потом прячется снова и ждет. А платформа чисто для приманки».

«Похоже на то, – согласился Бак. – Мина уйдет в расщелину, платформа пальнет ракетами по „Тапрабани“, или ее просто случайно найдут, вышлют батипланы, те зайдут на цель, не видя спрятавшуюся мину на радаре, а она жажнет, и всем конец».

«Они изучили тактику охотников, – добавил я. – Но не тактику донников. Мина ждет звено батипланов, а не двух боевых пловцов».

«Но если она жажнет, нам тоже конец, – прикинул Бак. – Дистанция километра два, а там двести тонн нитрожира. Под водой при такой силе ударной волны нас в блин расплющит».

«Может даже базу с якорей сорвать», – согласился я.

«Ну, и что делать?» – спросил Бак.

«Пока представления не имею. Из ракетной установки или из карабина с нашей дистанции ее не взять. Торпеды и служебные „кальмары“ перехватят любой снаряд на траектории, поймут, где мы, и накроют нас медным тазом».

«Даже если не перехватят, а мы в нее попадем, она детонирует, и наделает столько шороху, что мы еще в адском котле по инерции будем неделю кувыркаться».

Мы задумались. Привычные нам решения, зарекомендовавшие себя за несколько лет, тут не годились.

Глава 2. «Игра воображения»

Конечно, все наши переговоры в гиперволновом диапазоне читались и на мониторах батиплана, поэтому моментально на связь вышла Рипли и принялась обзывать нас идиотами. Ей легче было, она могла орать в микрофон, и мы слышали ее голос, транслируемый биомембранами шлемов, поэтому поначалу она нас подавила своим красноречием. Пришлось дожидаться, когда у нее кончится набор ругательств.

«На самом деле думать особо не о чем, – передал я ей. – Флотилию вызывать глупо, именно ее биотехи ждут, именно для нее подготовили сверхтяжелую мину. Ну, предупредим мы командора флотилии о мине, что это изменит? Все равно через боевое охранение одними лишь бомбами не пробиться, мы еще в Черном море насмотрелись, как обслуживающие биотехи платформ легко и непринужденно перехватывали любые снаряды. Значит, надо вводить в зону несколько батипланов, пробиваться к цели, тратя уйму боеприпасов. Но ввести батипланы в зону невозможно, так как их неминуемо уничтожит мина огромного радиуса действия».

Рипли крыть было нечем и ей пришлось заткнуться. Получалось, что либо наступил день триумфа донной охоты, когда новыми методами будет достигнута победа, недостижимая другими путями, либо мы тут все сдохнем. Отступление тоже ничего не решит, в этом случае платформа созреет, нанесет удар по «Тапрабани», ее все равно попытаются уничтожить. В этом случае тоже погибнет несоизмеримо больше людей, чем мы двое. Так что нечего тут особо решать. Как говорят, назвался груздем, полезай в кузов.

Я поделился этими соображениями в эфире, и Бак согласился по всем пунктам.

«Попробуем, – передал он мне. – Подкроемся незаметно».

– Точно не надо доложить в адмиралтейство? – уточнила Рипли.

Пришлось ей напомнить, что она, по сути, салага, и старшим товарищам лучше знать, что делать в боевой обстановке. Ну, я не стал грубить, а просто проигнорировал ее фразу и передал:

«Рельеф дна тут плохой. Гладкий базальт».

«В базальте всегда есть трещины, по ним и пройдем», – ответил Бак.

Это легче было сказать, чем сделать, поскольку в крошечной тьме не то что трещины в базальте, а палец у самого носа не разглядеть. Пришлось мне перенастраивать акустическую станцию, чтобы по тому же принципу, пользуясь сонарами биотехов, создать объемную картину дна. Времени на это ушло больше, но результат нас порадовал – несколько пересекающихся трещин, действительно, могли привести нас так близко к мине, что можно было попробовать вскрыть ее боевую полость из тяжелого гарпунного карабина. Без риска детонации. Более того, рельеф в самой зоне боевого охранения был не таким гладким и унылым, как ближе к базе – из дна торчали скальные выступы и грудками лежали крупные валуны. Я вспомнил нашу Гору Циклопов, где между валунами можно было даже пролезть, правда, без скафандра. Тут было нечто вроде того, только поменьше масштабом.

Я отметил путь маркерами, чтобы можно было двигаться вообще без ориентиров, только по меткам визора, мы оставили крупногабаритное снаряжение на дне, взяли только оружие и боеприпасы, после чего соскользнули в ближайшую трещину.

К сожалению, дно у нее было где-то очень уж глубоко, даже искать его бессмысленно, так что мы придали скафандрам нулевую плавучесть и, осторожно подгребая руками, двинулись вперед на пару метров ниже уровня дна. Включать водометы было совершенно недопустимо, нас по их звуку сразу бы засекли и торпедировали чем-то вроде «Барракуд», специально предназначенных для уничтожения боевых пловцов. А так, медленно но верно.

Правда, выходило уж очень медленно. Мы еле двигались от маркера до маркера, потом Бак додумался отталкиваться руками от стенок трещины, и дело пошло намного быстрее.

Затем до меня дошло, что не обязательно использовать водометы в пульсирующем режиме, создавая характерный шум под водой, а можно заставить скафандр медленно набирать воду в мантию, затем не очень быстро и не очень часто ее выпускать, добавляя тягу между толчками от стенок. Это позволило нам разогнаться до вполне вменяемой скорости, и вскоре мы по радарным меткам поняли, что находимся внутри боевого охранения.

Нас, как водится, не замечали. Алгоритмы торпед хорошо работали при лобовых атаках, когда противника надо было заваливать числом и мощностью боевых зарядов. Твари висели в воде, сканировали пространство ультразвуком, на случай приближения понятной им цели, но нас за кромкой трещины им было не обнаружить. Для этого в трещину надо нырнуть, а с какого перепугу им это делать?

Затем мы свернули на пересечении трещин, и направились почти напрямик к тому месту, где радар показывал метку сверхтяжелой мины. Сказать, что мне было как-то особенно страшно – нет. Бывало намного страшнее, особенно в самом начале охоты, еще в Черном море. Тут ведь если мина взорвется, точно не успеешь ничего почувствовать. Как Бак выразился, ударная волна такой силы, что еще неделю будешь в адском котле кувыркаться по инерции. К тому же эмоции в глубине не помогают, только мешают.

Постепенно начало светлеть. Так всегда бывает возле платформ, они, оказалось, крошечную тьму тоже не любят, поэтому порождают крошечные искусственные светящиеся микроорганизмы, которые их окутывают довольно большим облаком. Я это явление когда впервые увидел, сильно удивился, посчитал единичным случаем у одной отдельно взятой платформы, но потом оказалось, что даже «Барбары», ползая по дну, таскают за собой эту живую иллюминацию.

Видно было хорошо, особенно с учетом, что ледяная вода у дна была почти так же прозрачна, как воздух. Мы с Баком очень осторожно высунули головы из трещины и разглядели мину. Это, конечно, сколько ни описывай, все равно хрен представишь. Ну, так-то просто, типа, огромный, размером больше синего кита, кожаный мешок был словно привязан за горловину к якорному жгуту. Еще это было похоже по форме на древний стратостат, на которых начинали покорение космоса еще до создания мощных орбитальных ракет. Только те были серебристыми, а этот грязно-бурый, с желтыми бородавчатыми пятнами на боках, в тех местах, где располагались многометровые жаберные щели. Конечно, такую махину кислородом обеспечить, да еще в бедных водах – это надо не мало стараний приложить. Видно было, как светящиеся облака микроорганизмов вместе с водой прокачиваются через жабры мины.

Уж насколько я всякого повидал, и то впал в нечто вроде гипнотического ступора. Ну, ушел сам в себя, в такое место, откуда нельзя управлять телом, дергая за ниточки нервов, и лишь пялился на происходящее вокруг через проемы глаз.

«Долговязый, хватит медитировать, – передал мне Бак. – Может пора пострелять?»

У него воображение было менее развито, чем у меня, что много раз его выручало. Я же всегда знал, что воображение в нашем деле порок, с ним надо бороться, а сейчас мне стало особенно стыдно, что завис в боевой ситуации. Но в следующий миг именно воображение поставило передо мной вопрос, на который ответа у меня не было. Я вдруг живо представил, что Бак точным выстрелом поражает мину в самый уязвимый нервный центр над жгутиковым колодцем. Гарпун на огромной скорости вскрывает боевую полость, нирожир выливается, детонация не происходит... Победа? Ну, типа. Но что дальше? Мы уничтожим мину, но не платформу. Она продолжит командовать боевым охранением, и никакого хаоса огнем батиплана внести не получится.

Я передал свои соображения Баку, и тот сам завис на полминуты, не меньше.

«Не подумал об этом, – признался он после затянувшейся паузы. – Обычно же донники уничтожали сразу платформу».

«Вот именно», – ответил я.

– Если грохните мину, мы вас мигом подхватим, – раздался под шлемом голос Рипли.
«Мигом это как?». – Я решил остудить ее пыл.

Она не ответила, поняла, что сморозила глупость.

С безопасной дистанции батиплан доберется до огневой позиции хорошо, если за пару минут. От нас твари за это время один фарш оставят. Попытка же нас прикрыть огнем бортовой батареи издалека, будет воспринята платформой, как атака на нее. Тогда торпеды и «кальмары» внешнего круга перехватят все выпущенные снаряды, а «Барракуды» внутреннего круга разделяются с нами.

«Есть только один выход, – прикинул я. – Надо одновременно убить мину и платформу. Тогда боевое охранение превратится просто в стаю торпед, „кальмары“ вообще останутся не у дел, Викинг сможет начать стрелять издалека, большинство торпед бросятся на перехват батиплана, а от остальных мы сами отстреляемся».

Я понимал, почему никто не отвечает. Все думали, и думали одинаково, что это трудно, что это рискованно. Но какой смысл говорить об этом, если другого выхода нет?

«Бак, займись миной, у тебя опыта больше, – передал я в эфир, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. – Мне больше везет с платформами. Главное, стрелять одновременно».

Чтобы занять позицию для эффективной стрельбы по платформе, мне понадобилось еще несколько минут продвигаться по трещине одному. Хорошо хоть не во тьме, я этому был очень рад. Но стрельба – не то же самое, что выстрел. Мы с Баком находились в очень разном положении. От него требовался один предельно точный выстрел, и тут любая ошибка грозила взрывом мины. Я же точно знал, что даже молодую платформу одним выстрелом не уничтожить, и что пока платформа жива, каждая тварь между мной и целью будет кидаться на перехват выпущенных из карабина гарпунов. Мне придется выпустить изрядную часть боезапаса, чтобы убить платформу, занимавшую высшую ступень в иерархии биотехов. Причем, сделать это надо в считанные секунды. Чем дольше платформа продержится во главе боевого охранения после выстрела Бака, тем меньше у нас шансов на выживание.

Тут меня осенило. Резко, как вспышка молнии. Мое воображение, подобно машине времени, вернуло меня на много лет назад, когда мы только прибыли на Тринидад, и мне, за неимением других средств, пришлось взять под контроль донную платформу на шельфе. Я подкрался к ней скрытым порядком, вскрыл пульт управления и переключил профиль взаимодействия с боевым охранением. После этого все твари, принадлежащие платформе, стали принадлежать мне, и она сама тоже. Это была моя личная армия в глубине.

С тех пор многое изменилось, и сам я изменился очень сильно, но все же сейчас мне ничего в теории не мешало повторить этот трюк. Он бы решил все. Если Бак убьет мину, а я возьму под контроль платформу, все будет кончено самым победоносным образом. Рипли останется пройти на батиплане между тварями, которые не тронут ее, забрать нас на борт, и вернуться на базу. А платформа до конца своих дней будет пребывать в режиме ожидания без всякого вреда для рода человеческого.

Перспектива заманчивая, сказать нечего, но чтобы претворить такой план в жизнь, мне придется не просто подобраться к твари на расстояние выстрела, а приблизиться к ней вплотную, затем вскрыть программатор и ввести новые данные. При этом торпеды боевого охранения неизбежно меня засекут, подадут сигнал тревоги, и тогда Баку придется не сладко.

Подумав и взвесив все шансы, я передал в эфир:

«Бак, я стрелять не буду. Если платформа останется живой, то рядом с ней для нас будет самое безопасное место. Убивай мину, потом сразу пробивайся вплотную к платформе. Там разберемся».

«Принял. – ответил Бак. – Будь готов, я на позиции».

Я дождался выстрела, и тут же помчался к платформе, уже не заботясь о маскировке. Мышцы водометов, казалось, затрещали от напряжения. Уже через пару секунд стало ясно, что Бак справился, попал, иначе бы мина рванула.

«Вскрыл полость, – сообщил Бак. – Встречай боевого товарища».

– Вы сумасшедшие оба, – услышал я на гиперволне голос Рипли.

Мое положение облегчалось тем, что в непосредственной близости от платформы торпед очень мало. Они там не занимают позиции, так как все равно не могут взрываться. В результате, чтобы меня перехватить, торпедам внутреннего круга пришлось играть со мной в догонялки, а это не так-то просто, с учетом мышечной мощи сверхглубинного аппарата линейки СГАК. Он ведь создан по тем же биотехнологиям, что и сами торпеды, а потому ничем не уступал им в скорости, а на форсажном режиме даже превосходил.

Но все же и в непосредственной близости от платформы торпеды тоже имелись. Они не могли взорваться без риска ранить платформу, но их функция была совершенно иной. На них возлагалось поражение вражеских боевых пловцов, если они попробуют несанкционированно завладеть доступом к программатору.

Мне с такими тварями уже приходилось драться, когда я оказался лицом к лицу с движущейся платформой класса «Барбара». Это были небольшие, юркие «МТБО-10», слишком слабые, чтобы топить корабли, но прекрасно приспособленные для уничтожения боевых пловцов. Для этого им и взрываться не надо, для этого у них имелся набор режущих пластин, не тупее моего глубинного кинжала, и опасная зубастая пасть. К тому же, как правило, к ним приписывались «Барракуды», оснащенные ультразвуковой пушкой на морде, а это вообще не фонтан.

Они, заразы, тоже хитрые, ловко прятались в трещинах, так что я их увидел на радаре, только когда как следует поднажал. Но когда они, по команде платформы, выскочили в зону обнаружения, мне скорость сбавлять не было уже никакого резону. Только драться, тут уж, как ни крути. Иначе зажмут с двух сторон так, что мало не покажется.

Я насчитал в непосредственной близости шесть «МТБО-10» и три «Барракуды». В прошлый раз было две, и то я не слабо упарился уклоняться от их ультразвуковых импульсов, способных разорвать жабры моего скафандра и оставить меня без кислорода. Ну и, ясное дело, как минимум четыре ультразвуковых пушки имелось у самой платформы, для защиты ее со всех четырех сторон.

Но я тоже пороку в океане понюхал, так что запросто меня было не взять. Я хорошо знал и преимущества ультразвуковых «дудок», и их слабые места. Преимущество было понятно – если из нее прилетит, жабрам аппарата конец, и я задохнусь в собственном скафандре. Ну и шкуру ультразвуком можно попортить – у Бака имелся такой ожог на плече. Женщинам нравилось, пищали от восторга, а самому Баку не очень. Особенно в первые часы после получения.

Слабые места ультразвуковые пушки тоже имели. К ним, в первую очередь, относилась не очень высокая скорострельность, так как ультразвук там вырабатывался за счет протекания потока воды в хитиновом резонаторе, и эту воду для каждого выстрела надо было набрать в полость. Кроме того, ультразвуковой удар хорошо был виден в воде. Увернуться не увернешься, а вот сам факт выстрела, что он был, и в ближайшие секунд пять следующего не будет, понять можно запросто. Еще я знал приметы, по которым видно, что торпеда собралась стрелять. Их было несколько, таких примет – и пузырьки, вырывающиеся из жаберных щелей от компрессии перед выстрелом, и замедление хода, так как поток воды при выстреле имел нее слабую обратную тягу, так что если торпеда пальнет на полном ходу, ей отдачей не мудрено и шею свернуть.

В общем, к атаке я был готов, и она не заставила себя ждать. Первыми ударили «Барракуды», не одновременно, а с интервалами в две секунды, чтобы не дать мне прохладиться полных пять секунд. На такой большой дистанции это пустое – увидев, какая из торпед выстрелит первой, я заранее ушел в головокружительный противоторпедный маневр, представляю-

щий собой сложную кривую в трехмерном пространстве. Двигаясь по ней с постоянно смещающимся углом атаки, я не давал возможности торпедам правильно взять упреждение, и все три белых трассы пробили воду там, где меня или еще не было, или не было уже.

При этом твари себя неминуемо демаскировали, они не могли стрелять, оставаясь в расщелинах. Как только их метки появились на радаре, я дал им прочихаться из легкого карабина. Попасть не попал, это даже при моей меткости было немыслимым, но зато не дал второй раз отстреляться по мне. Не до этого стало тварям, самим пришлось уклоняться от гарпунов.

Тут же на радаре я заметил алые искры малокалиберных управляемых ракет – это уже Викинг, умница, долбанул по севшим мне на хвост скоростным торпедам внутреннего круга. Те так увлеклись погоней, что сгруппировались слишком плотно, прозевали атаку и теперь им уже не рассредоточиться во избежание вторичных детонаций.

Накрыло их знатно – даже на приличной дистанции от мощных взрывов ударило компрессионной волной. Это вам не в воздухе взрыв, тут несжимаемая среда, барракуда ее дерит, тут так долбанет, что глаза из орбит вылезут, без всякого преувеличения. Но плотная мускулатура скафандра такие удары призвана брать на себя, и справлялась с этим отлично.

Бак, не мешкая, пальнул по тварям из тяжелого карабина. В отличие от скорострельного легкого ЛКБГ-7, из которого я полоснул по торпедам очередью, его елдометище пулял редко, но метко. В первую очередь за счет управляемого активно-реактивного гарпуна с фугасной боевой частью. От такого ни одна тварь увернуться не в состоянии, хоть она какая быстрая и верткая. Так что когда идет атака из тяжелого карабина, тварям есть лишь один резон – улепетывать подальше одна от другой, чтобы при попадании всех не накрыло взрывом.

«Барракуды», конечно, верткие, в этом им не откажешь. Так что Баку удалось лишь одну снять точным выстрелом, остальные метнулись в стороны, как мальки от брошенного в воду камня. Я их на траектории приложил очередью из ЛКБГ-7, и пробил задницу одной из «МТБО-10», лишив ее маневренности.

Платформе это не понравилось, и она пальнула в меня в меня из своей «дудки». Я как раз проходил второй цикл противоторпедного маневра, и она промахнулась, а я, улучшив момент, резко ушел в глубину, и буквально секунды за три оказался у самой платформы, в мертвой зоне всех ее средств поражения.

Позиция удобная до предела, и товарищи готовы прикрыть. В общем, мне надо было как можно скорее найти пульт управления и пустить его в ход, тогда можно будет заказывать шампанское со Шри-Ланки.

Вот только совсем рядом оставались еще две «Барракуды» и пять «МТБО-10». А это не шуточки ни фигя.

Глава 3. «Жабры»

Я порадовался, что при тактическом планировании операции мне досталась боевая роль, требующая вооруженности легким гарпунным карабином, а не тяжелым. Тяжелый карабин великолепен на дальних дистанциях, когда в высокой скорострельности нет смысла, ведь торпеды три километра не преодолеют за пару десятков секунд, а вот точность управляемый гарпун дает ювелирную. У меня же ситуация была прямо противоположная – торпеды под носом, а от скорострельности оружия целиком и полностью зависела эффективность меня, как боевой единицы.

В общем, когда ринулись «МТБО-10», я встретил их шквальным огнем, выпустив сразу с десятков гарпунов. Три из них попали в цель, и разрубили тела тварей широкими лезвиями наконечников. Вот только кассета опустела, и ее надо было сменить. Не сказать, что задача трудная – нажал на рычаг, сбросил старую, достал с каркаса новую, поставил на место. Кляц, кляц, кляц. Как на тренировке. И уж столько я настрелялся из легких карабинов на разных глубинах, что и не сосчитать случаи применения, но даже мне с моими навыками нужно секунды четыре на перезарядку. За это время обе уцелевшие «МТБО-10» описали пологие дуги, и оказались в непосредственной близости от меня. Ясно стало, что стрелять мне уже не дадут. А Бак тоже из своего елдомета пальнуть не мог, так как и мне бы не поздоровилось.

Первым рефлексом было выхватить глубинный кинжал и броситься в рукопашную, но мне секунды хватило на понимание недопустимости такой тактики. Слишком уж хорошо оснащены были «МТБО-10» режущими пластинами, и это оружие было раза в два длиннее моего кинжала. Вступи я в драку с двумя торпедами сразу, меня бы вместе со скафандром на лапшу располосовали.

Времени на раздумье не оставалось, но, как это нередко бывает в критических ситуациях, в памяти сам собой всплыл яркий, очень значимый для меня образ из детства, как я, защищая Ксюшу, дрался с Дохтером. Гарпун тогда у меня был от тяжелого карабина, и я орудовал им, как алебардой, но и сейчас можно было значительно усилить свою штурмовую мощь на короткой дистанции, используя режущий наконечник.

Вот только гарпун не достать из кассеты в два счета, легче было ею снарядить карабин, тогда сработает механизм подачи, и наконечник выдвинется из ствола, образовав нечто вроде штыка, который крепили к древним ружьям.

Мне понадобилось еще две секунды, чтобы вставить кассету на место, и от первого натиска «МТБО-10» пришлось увернуться, используя всю мощь водометов скафандра. Но просто дать деру было нельзя – стоит удалиться от платформы, меня тут же торпедируют твари внутреннего круга боевого охранения. Простую дугу описывать – тоже самоубийство, меня бы махом с двух точек обстреляли «Барракуды» ультразвуком. В общем, пришлось мне снова уйти в полноценный противоторпедный маневр, следуя маркерам визора, но на столь короткой дистанции он не имел высокой эффективности, так как чем ближе цель, тем проще тварям высчитывать упреждение для удара.

Две секунды я выиграл, но обе «Барракуды» по мне предсказуемо шарахнули ультразвуком. Одна промахнулась, другая зацепила ступню левой ноги, и я бы взвыл от боли, если бы легкие не были заполнены «рассолом». Ну, натурально, словно раскаленный уголек попал в тапок. Зато когда у меня красные круги перестали мелькать в глазах, я уже был готов к встрече с «МТБО-10», держа в руках полностью снаряженный карабин с торчащим из ствола лезвием наконечника.

В ближайшие три секунды о «Барракудах» можно было не думать – они отстрелялись, им нужно время на забор воды для «дудок». А вот «МТБО-10» представляли серьезную опасность, в первую очередь потому, что их две, и они действовали весьма согласованно.

Стоило мне выйти из противоторпедного маневра, меня атаковали в лоб почти параллельными курсами. Стоило зазеваться, острые пластины прошли бы через мышечную ткань скафандра, как нож сквозь масло, но, меня выручил вычислитель костюма. Он без команды бросил мне на визор подсветку приоритетной цели, той торпеды, которая была всего на полкорпуса ближе ко мне, чем другая. Это дало мне возможность ударить гарпуном именно ее, а затем врубить водомет и уйти с линии атаки.

Инерция у «МТБО-10» значительная, так что одна тварь как следует налетела на гарпун, а вторая промахнулась мимо меня, попыталась развернуться на ходу, но ее все же протащило метров на десять по ходу движения.

Первую я вскрыл, как селедку, вырвал гарпун, и приготовился нанести удар, но тут мне прилетело от «Барракуды» прямым попаданием по жабрам. Спину мне прикрыли водометы, это спасло от ожога, но вот дыхательным органам скафандра пришел конец, и дышать теперь под водой стало нечем.

Конечно, в крови имелся какой-то уровень кислорода, и при моей тренированности до потери сознания пройдет минуты две, может и больше, но кардинально это ситуацию поменять не могло. Все равно меня от воздуха отделяли километры водяной толщи. А тут еще оставшаяся «МТБО-10» закончила разворот и ринулась на меня.

Я, конечно, не стал дожидаться прямого контакта, была секунда, чтобы прицелиться и выстрелить, мне этого времени за глаза и за уши хватило. Так что гарпун вырвался из ствола и с короткой дистанции прошил тварь от носа до задницы, вывернув наружу все внутренности, включая нитрожир, от реакции с которым вскипела вода.

Тут я заметил пузырьки вокруг морды второй «Барракуды», едва успел повернуться к ней спиной, и получил второй удар по водометам. Теперь им тоже с гарантией пришел конец, так что я лишился не только возможности дышать, но и маневренности. Зато они отстрелялись обе, и я намеревался этот факт использовать по полной программе.

Дистанция до них была около пятидесяти метров, очень удобная для стрельбы из легкого карабина, так что я не дал им набрать воды для следующего выстрела, а освеживал двумя короткими очередями по три гарпуна в каждой.

Если бы не убитые жабры и водомет, это можно было бы считать победой, а так она мне слишком дорогой ценой досталась, радости не вызвала, но принесла некоторое облегчение. Я опустился на грунт и в несколько шагов добрался до платформы. Мне оставалось минуты полторы быть в сознании, и я не знал хватит ли этого времени, чтобы запустить программатор и взять над платформой контроль.

«У тебя кровь из жаберных крышек», – передал Бак.

Да, это тоже представляло собой проблему. Моя кровеносная система через катетер была соединена с кровеносной системой скафандра, и его кровопотеря скоро превратится в мою. Хотя воздух в таких случаях кончается раньше, чем наступает геморрагический шок.

«В сторону!» – приказал Бак.

Я сразу понял, что он собрался избавить меня от необходимости работы с программатором, а решил без затей расстрелять платформу тяжелыми гарпунами. Это сильно осложнит жизнь Рипли и Викингу, им придется пробиваться к нам через сотни тварей, чтобы эвакуировать Бака.

«Не стрелять!» – приказал я, пользуясь правом старшего в группе. – К программатору! Иначе нас торпедируют, как только платформа сдохнет».

У меня уже начинало шуметь в голове от недостатка кислорода. Соображать становилось все труднее, но я все же вскрыл кинжалом крышку программатора и нажал сенсоры первичного запуска. Секунд через двадцать рядом со мной на грунт опустился Бак. Пока платформа жива, торпеды охранения не смогут его поразить без риска ранить платформу, а всех «МТБО-10» и «Барракуд» я перебил.

Вот только Бак, оказавшись рядом, не стал менять меня у программатора, а повел себя странно – достал с каркаса гарпун и всадил его шток мне под жаберные крышки. Тут-то до меня и дошло, что он задумал. Гарпуны тяжелого карабина имеют активно-реактивный принцип выстрела. Из ствола их выталкивает вышибным зарядом, а затем срабатывает химический реактивный двигатель. Работает он на том же порошке, что и картриджи воздушных аппаратов, при контакте с водой этот химикат бурно выделяет кислород. Просто чистый кислород, и ничего больше.

Ну, оно и сработало.

Конечно, гарпун Бак удержать после запуска двигателя не смог, у него тяга такая, что будь здоров и не кашляй. Но прежде, чем снаряд унесся во тьму океанских глубин, он выбросил в жабры скафандра добрую порцию кислорода. У меня в глазах махом посветлело. В «рассоле» под давлением тоже растворилось до фига живительного газа, так что он и через легкие начал всасываться, в обход кровеносной системы скафандра.

«Жабры прижги резакон! – передал я жестами. – Это остановит кровопотерю».

«А как кислород поставлять?»

«Напрямую в „рассол“, он под давлением растворяется махом».

Бак не стал спорить, активировал термитный резак, которым мы при надобности освобождали металлические конструкции под водой, и как следует прошелся по разорванным сосудам скафандра, прижигая их пламенем.

«Бери платформу под контроль, воздуха теперь хватит минут на пять», – передал Бак.

Конечно, всё это Викинг с Рипли тоже читали на мониторах. Неловко я себя от этого почувствовал, но с этим уже ничего не поделать. Важнее было справиться с программатором, и я этим занялся, благо, не в первый раз.

Бак взял мой легкий карабин и следил за радарными метками на визоре, чтобы ни одна тварь нас не нахлобучила, пока я работаю. Страху не было вообще – как отрубил. Умом я понимал, что ситуация сложная, что способ моего дыхания нештатный, и неизвестно, к чему это все приведет, но тело работало четко и слаженно, без тремора и зависаний.

Я выбрал нужный пункт меню на экране программатора и перевел платформу и ее боевое охранение в режим пассивного патрулирования. Теперь твари ни на кого не нападут, ни на нас, ни на батиплан.

«Рипли, охранение под контролем! – передал Викинг. – Жми полным ходом к нам».

Две из пяти минут, отпущенных мне на усвоение порции кислорода, истекли, а Рипли до нас добираться пару минут на маршевом двигателе, так что она могла успеть. С пилотированием у нее полный порядок. Я перевел радар на дальнейшее обнаружение, хотелось видеть, как приближается батиплан, но вместо успокоения информация на визоре принесла легкий шок.

«Почему идете на маневровых?» – спросил я Рипли.

– Торпед очень много, – раздался ее голос под шлемом. – Если переть на маршевом, врежемся в какую-нибудь тварь и сами себя торпедируем.

Об этом я не подумал сразу, а когда понял ее правоту, сердце заныло, а в глазах раньше времени поплыло от начинающегося удушья. Я понял, что батиплан не успеет нас эвакуировать, что придется делать еще один впрыск кислорода, и в этот раз уже не под жаберные крышки, а напрямую в «рассол».

Мы с Баком переглянулись, ясно было, что думаем об одном и том же. У гарпуна не слабая тяга, он выбрасывает из жерла двигателя огромное количество кислорода под приличным давлением. Если прорезать дыру в мышечной ткани скафандра и сунуть в нее шток гарпуна, меня, вместе со скафандром, неизбежно надует, как жабу. Может, надует только скафандр, а может он лопнет, и я останусь голым, без «рассола» на глубине океанского дна. Тогда мне точно конец. Но если вообще ничего не делать, мне тоже конец.

«Надо резать скафандр», – передал Бак.

«В двух местах, для сброса давления», – добавил я.

На самом деле две дыры вместо одной не решали проблему кардинально, точнее создавали массу дополнительных трудностей. Во-первых, под давлением из скафандра вышибет весь «рассол», его место займет забортная океанская вода, а это не совсем то же самое, что стерильный физраствор в легких. Во-вторых, скафандр и так изуродован, его мышечная ткань повреждена, и новые дыры ситуацию не улучшат – скафандр под давлением может лопнуть.

«Режь», – велел я.

Бак достал глубинный кинжал и проделал им две дыры, в левом и правом боку, почти под мышками, ближе к шлему. В этом был смысл, чтобы насыщение «рассола» кислородом произошло ближе к дыхательным путям. Вода густо окрасилась кровью – пока это была кровь скафандра, но когда она кончится, в воду пойдет моя.

«Надо основную артерию скафандра из катетера вынуть, – напомнил я. – Иначе истеку кровью».

Бак кивнул, и нанес еще один удар кинжалом в район моей поясницы, где обосновался искусственный биотехнологический паразит, обеспечивающий связь моей кровеносной системы с кровеносной системой скафандра. Сейчас, с убитыми жабрами, толку от этой связи не было никакого, одни риски.

«Готов?» – спросил Бак.

К такому разве можно подготовиться? Я не стал отвечать. Он сорвал заглушку с дюзы и сунул шток гарпуна в дыру моего скафандра. Шибануло давлением так, что я на миг потерял сознание, а когда пришел в себя, сообразил, что ничего толком не вижу. Напором вспенившегося «рассола» то ли повредило глаза, то ли временно изменило их форму, но резкость навести не получалось – все выглядело предельно размытым, как в бабушкиных очках. Гарпун вырвало из рук Бака, тягой реактивной струи меня закрутило волчком, затем отпустило, и я совсем рядом услышал глухой взрыв.

Во всей этой свистопляске мне удалось отыскать всего один положительный момент – я перестал задыхаться. Видимо, не слабая порция кислорода, вбитая в «рассол» под давлением, дошла до легочной ткани и начала в нее впитываться. И еще одна мысль вертелась, жуткая. Мне показалось, что вырвавшийся из дыры гарпун убил Бака. Но тут визор шлема осветился, пришло сообщение. Я его не мог прочитать, глаза еще не пришли в норму, но никто, кроме Бака отправить его не мог – Рипли или Викингу проще было общаться голосом. Значит, Бак жив. Вот только не понять, чего он от меня хочет.

«Рипли, что мне Бак написал?» – передал я при помощи жестов в эфир.

– Гарпун попал в платформу и взорвался внутри, – ответила она. – Что у тебя со зрением?

Отвечать я не стал. Некогда. Если гарпун попал в платформу, когда меня раскрутило, она неизбежно умрет. Может, она уже умерла, если взрыв произошел вблизи основного нервного центра.

«Викинг, я не вижу текст на визоре, – передал я. – Повторяй голосом все, что напишет мне Бак».

– Есть, принял! – раздался в мембранах голос Викинга.

«Бак, насколько пострадала платформа?» – Я принялся передавать жестами.

Визор вспыхнул, а Викинг перевел:

– Ей капец. Минуты не протянет.

Хуже ситуации еще не было за все время моей охоты на тварей. Хуже было, только когда Ксюша умирала после падения со скалы, но то не было напрямую связано с охотой. То была моя ошибка, а сейчас мне ошибок допускать больше нельзя, от этого много жизней зависит. Я оставался командиром группы – без зрения, без возможности видеть данные визора и прицеливаться, без возможности прямой коммуникации с Баком, без возможности перемещаться на водометах, без возможности нормально дышать, барракуда его дери.

Когда платформа умрет, все ее боевое охранение, усмиренное мной, превратится просто в огромную стаю торпед и в дикое минное поле. Все твари разом нападут на нас с Баком, уже не боясь ранить платформу, и на батиплан. В этих условиях, честно говоря, я вообще не представлял, как нас можно эвакуировать. Если бы я один был на океанском дне, я бы не задумываясь отдал приказ Рипли развернуть батиплан и на полном ходу улепетывать к берегам Шри-Ланки, под защиту береговых батарей. Но на дне со мной оставался Бак, его я не мог так запросто принести в жертву. Не был я шахматистом по своей природе, не мог я оценить ценность одной жизни против другой, или даже двух. Если выбирать, то всем. Ну и погибать всем, если не выйдет выкрутиться.

Одна беда – у меня ни малейших идей не было, как можно выкрутиться в создавшейся ситуации.

– Платформа сдохла, – услышал я голос Викинга, хотя визор не вспыхивал новым сообщением от Бака. – Пропала радарная метка.

Я с трудом удержался, чтобы не отдать команду Рипли и Викингу к отступлению. Я вдруг понял, что если они сунутся в гущу торпед, им не выжить. Биотехи зажмут их и торпедируют. Почти наверняка. Но именно это «почти» меня удержало от рокового жеста. Отступать было нельзя. Рипли и Викинг хотя бы защищены броней, у них колоссальная огневая мощь и скорость маршевого мотора. Они могут прорваться. В теории. Бак же был почти беззащитен, и если его не попытаться эвакуировать, ему точно конец. С гарантией. О себе я вообще не думал. Моя гибель в этой миссии была для меня очевидной.

Глава 4. «Дикий»

Я замер всего на секунду, стараясь принять хоть сколько-нибудь оправданное решение, но в этот момент стало ясно, что некая неучтенная мною сила вторглась в ситуацию. Рипли длинно и витиевато выругалась в эфире, чего в обычных обстоятельствах она себе не позволяла. Чем вызваны ее бурные эмоции я еще понять не успел, но уже ясно было, что такие трехэтажные речевые обороты из уст симпатичной молоденькой симпатичной девушки не могли вырваться без веской причины.

Зрение постепенно восстанавливалось, я еще не мог читать буквы на визоре, но уже различал строки. Это можно было бы посчитать добрым знаком, если бы не остальные проблемы.

«Отставить ругань! – приказал я. – Доложить обстановку!»

Но ни Рипли, ни Викинг ответить мне не успели, вместо этого я услышал голос, который услышать никак не ожидал. На связь вышел ни кто иной, как оставленный на базе салага по прозвищу Дикий.

– Эй, старичье! – весело произнес он. – Мне показалось, вам нужна помощь. Рипли, красавица, прикрой «Катрана», на нем посылочка для Долговязого, а то у него плохо получается дышать под водой.

Хотя мое зрение еще не до конца восстановилось, но все же я смог различить на радаре три динамичных размытых точки. Первая – это батиплан «Валерка» с Рипли и Викингом на борту. Вторая, наш беспилотник «Катран», несущийся со стороны базы «DIP-24-200» на маршевом двигателе, а третья – легкий скоростной затопляемый транспортный модуль «Скат-44», предназначенный для доставки боевых пловцов и грузов к местам боевого дежурства на сверхглубинных эшелонах.

Мне сразу стало понятно две вещи. Первая – «Катран» идет на автоматическом управлении с привязкой к цели, и целью являемся мы с Баком. Вторая – «Скат» пилотирует Дикий, больше некому. И это могло спасти ситуацию.

Наша проблема ведь состояла в том, что на батиплане крайне нежелательно соваться в гущу торпед, особенно там, где скоростные маневренные твари могут загнать его на минные поля. Это всегда грозило тем, что мы называли «зажимом», то есть, полным окружением на всех эшелонах, лишением сначала возможности идти на маршевом двигателе, затем маневрировать. Зажатый батиплан неизбежно торпедируют, потому что на коротких дистанциях бортовым батареям не хватает огня.

Но на значительных дистанциях все кардинально менялось. Там, в отсутствии «зажима», батиплан мог двигаться на маршевом реактивном двигателе, разгоняясь до аэродинамических скоростей в облаке генерируемого им пара. В таком состоянии ни одна тварь не могла его догнать, что позволяло применять разработанные еще при штурме Атлантики боевые схемы. Суть большинства из них состояла в отрыве от преследования с последующим уничтожением увязавшихся биотехов огнем бортовых батарей. Фактически, если биотехам не удастся зажать батиплан и загнать на минные поля, он становится условно неуязвимым.

До появления Дикого, Рипли вынуждена была бы зайти в самую гущу торпед, чтобы нас эвакуировать, а это было предельно опасно. Однако Дикий решил кардинально изменить расстановку сил. Он вывел из эллинга «Скат», взял управление над «Катраном» и погнал его в нашу сторону. Беспилотному аппарату, а не «Валерке», предстояло забраться в гущу торпед, добраться до нас, и доставить посылку, скорее всего, контейнер со свеженьким сверхглубинным скафандром для меня.

При этом у самого «Катрана» вооружения вообще не было, только средства наблюдения и связи. Но в такой ситуации оно ему и не нужно, так как прорываться придется через поля торпед, в непосредственной близости от них, а на коротких дистанциях огневые средства

имеют низкую эффективность. Зато если «Катран» начнет прорываться к нам, ему можно расчистить дорогу огнем бортовых батарей батиплана с дальней дистанции, без малейшего риска «зажима».

Идею трудно было назвать гениальной, но стоило признать, что она пришлась как нельзя кстати. Единственное, я не совсем понимал, какую роль в плане играл комплекс «Скат». Управлять «Катраном» можно было не покидая базу. Но я пока решил не раздумывать над этим, мало было для анализа данных.

Как я и предполагал, «Катран» на полном ходу реактивной тяги вломился в гущу торпед, но ни одной твари не удалось его торпедировать, поскольку Викинг так дал им прочихаться из огневого комплекса, что во все стороны прошла не слабая волна вторичных детонаций. Биотехи слишком уплотнили свои порядки, стараясь поскорее перехватить «Катран», а потому взрыв одной торпеды приводил к детонации соседних. Из-за этого беспилотник легко прорвался через внешнее кольцо обороны, а тут уже и Бак ударил по тварям с тыла из тяжелого карабина.

Ко мне зрение возвращалось стремительно, я уже мог бы различать текст на визоре, вот только Баку недосуг было общаться со мной в чатике. Зато я снова обрел возможность прицеливаться, и хотя у меня не было дальнобойного гарпунного карабина, но зато из легкого я мог, не отвлекая Бака, отсекал скоростные торпеды, рванувшие нас уничтожить после смерти платформы.

Начался лихой бой. Рипли ловко маневрировала на «Валерке», давая Викингу возможность долбить из всех огневых средств, расчищая путь «Катрану». Бак помогал батиплану прицельным огнем с тыла, а я колотил из легкого карабина по всем тварям, которые пытались ринуться в нашу сторону.

На какое-то время я даже забыл о Диком, хотя именно он все это устроил. Слишком уж я был увлечен стрельбой, ловил в сетку голографического прицела радарные метки тварей и долбил, долбил, короткими очередями, выпуская серии по три гарпуна, для гарантии, чтобы не дать торпедой увернуться.

Последняя порция кислорода, растворенная в «рассоле», подходила к концу, я уже ощущал надвигающееся удушье, но через минуту и сорок секунд «Катран» сбросил ход, перешел с маршевого мотора на маневровые турбины и лег на грунт в двух шагах от Бака. Я перехватил его тяжелый карабин, чтобы не ослаблять огневой натиск, а Бак вскрыл грузовую полость «Катрана» и достал оттуда контейнер с легким скафандром «СГАЖ-8», предназначенным не столько для боя, сколько для выполнения монтажных работ за пределами станции. Причина выбора была понятна – боевые скафандры располагались не в эллинге, и Дикий до них добраться не мог. Перестраховались. Но ладно, мне сейчас что угодно годилось, лишь бы оно было с жабрами и могло дышать за меня под водой.

Баку пришлось повозиться, стягивая с меня подышающий от потери крови скафандр, и на какое-то время я все же вырубился, а когда в голове снова начало проясняться, я по нейроинтерфейсу понял, что нахожусь в новеньком «СГАЖ-8». Конечно, я сразу повеселел.

«Попробуем прорваться?» – спросил меня Бак.

«Плохая идея, – ответил я. – Скафандр не боевой, водометы с малым ресурсом. Если я попытаюсь тягаться с тобой в скорости, загоню скафандр».

«Это и бабушке понятно. Но ты можешь забраться в грузовой отсек „Катрана“, там места хватит».

В принципе, идея была жизнеспособной. Вот только из грузового отсека я не смогу никого поддержать огнем, я там буду так упакован, что не шевельнуться.

«Все это мелочи, по сравнению с глубиной океана, – ответил Бак, прочитав на экране мои возражения. – С легким карабином на больших дистанциях толку мало, а тяжелый у нас один».

В этом был резон. Пришлось мне втискиваться в грузовой отсек, а контейнер от скафандра оставить. К сожалению, без контейнера скафандр не жилец, его можно списывать. Но лучше скафандр, чем меня.

«Дикий, я в отсеке, – передал я жестами. – Можешь запускать».

«Катран» сошел с грунта, и начал разгоняться сначала на маневровых турбинах, затем врубил маршевый. Оно и в батиплане ощутимо, а тут меня так шарахнуло перегрузкой, что чуть позвоночник через задницу не вылез. Мне-то ладно, я больше боялся за скафандр, он на такое рассчитан не был. Но нейроуправление реагировало штатно, значит, обошлось.

Радар не работал, мешала толстая броня, так что мне оставалось лишь догадываться о происходящем снаружи. Впрочем, путь не долгий, меньше двух минут.

Наконец «Катран» врубил маршевый, затем застопорил и турбины. Самостоятельно открыть грузовой люк я не мог, но секунд через тридцать крышка ушла вперед, а я вывалился из брюха беспилотника и завис в состоянии нулевой плавучести. Рядом со мной, в таком же легком ремонтном скафандре, висел в воде Дикый. Он глядел на меня через прозрачный хитин шлема, я на него, но говорить не хотелось. Мы все Дикого недолюбливали. По сути, он нам в свое время навязался в команду, да еще с элементами шантажа. Мы привыкли им понукать и над ним подтрунивать, но сейчас, после того, как он мне, без преувеличения, жизнь спас, такая форма общения явно не годилась, а другая еще не выработалась. Мне нужно было время на перестройку, так что я решил пока от общения воздержаться.

Вместо пустых разговоров, я врубил водомет, добрался до «Ската» и влез через люк в основной отсек. Шлюз на таких аппаратах без надобности, так как они все равно водой заполнены полностью, чтобы легче противостоять огромному давлению глубины. Это позволяло облегчить обшивку, сэкономить на толщине брони. Стрелковый комплекс «Ската» располагался прямо в основном отсеке для экономии места, поэтому я взгромоздился в кресло, приспособленное для человека в скафандре и активировал все системы. С затопляемыми аппаратами мне редко приходилось иметь дело, и было непривычно проделывать знакомые манипуляции в заполненном водой пространстве. Да и в скафандре работать с сенсорами и энкодерами оказалось не так-то просто – пальцам в перчатках из биоткани не хватало подвижности. Не смотря на эти мелкие трудности, я произвел основные настройки и присоединился к огневому натиску «Валерки». Это создало достаточно безопасный коридор для Бака, особенно с учетом, что у него у самого был тяжелый карабин, и он загодя уничтожал тварей на всех опасных скоростях и углах атаки.

Но как же их было много! Неподвижные мины Викинг перебил в первую минуту боя, но с торпедами так лихо не получалось. Они перекрикивались в ультразвуковом спектре, согласовывали действия, рассредоточивались, чтобы избежать вторичных детонаций, затем пытались образовать мелкие мобильные группы, чтобы прорваться к Баку. Я практически непрерывно колотил из гарпунной пушки, «Валерка» использовал всю огневую мощь, включая малокалиберные очень быстрые ракеты, способные, как и батиплан, разгоняться в облаке пара из носовых дюз. Но этого едва хватало на обеспечение относительно безопасного коридора Баку, да и то некоторые торпеды прорывались, и ему приходилось отстреливать их из карабина в индивидуальном порядке. Хуже того – коридор постепенно сужался, и в какой-то момент мне показалось, что даже совместных усилий «Ската» и «Валерки» не хватит, чтобы удержать его. К тому же радар показывал, что дальняя часть боевого охранения тоже устремилась в нашу сторону, и там тварей было не меньше.

Наконец Бак вырвался из самой гущи торпед, стало полегче, но было понятно, что боекомплекта не хватит ни мне, ни Викингу. Бак прибавил ходу и вскоре скрылся в шлюзе «Валерки», но тревога меня не отпускала. Стоит нам двинуться в сторону базы, вся орда тварей за нами увяжется. Батиплан уйдет на маршевом моторе, но «Скат» мог перемещаться только

на маневровых турбинах, у него обшивка была слабоватой, чтобы удерживать мощь маршевого мотора, да и вес воды в отсеках не маленький.

Меня зло взяло на Дикого, который по какой-то причине все еще не забрался на борт. Спрашивается, какой смысл вообще ему было выдвигаться на «Скате»? Беспилотником он мог бы управлять и с базы. Я не выдержал и задал ему это вопрос жестами.

«Ну, огневой комплекс же может работать по автоматическим профилям», – ответил он.

Я это знал не хуже, а намного лучше него. Я не только управлял боевыми профилями, но и писал собственные. Вот только почему-то у меня мысль не сработала в ту же сторону, что у Дикого. Не так он прост был, ох, не прост.

Его задумка была на грани гениальности. Задать хороший боевой профиль, бросить «Скат», чтобы он самостоятельно вел огонь по приближающимся торпедам, а самим перебраться на «Валерку» и дать деру, прикрываясь огнем. Понятно, почему салага все еще болтался снаружи.

Пришлось мне заняться выбором боевого профиля. К счастью, подходящих оказалось несколько в памяти вычислителя, и я скомбинировал оптимальный из двух.

«Викинг, мы к вам. „Скат“ нас прикроет», – передал я, и выплыл из люка.

Мы с Диким секунд за десять добрались до «Валерки» и залезли в уже открытый шлюз.

Стоило закрыться внешнему люку, Рипли дала ходу, не очень заботясь о нашем с Диким комфорте. Так что нас на старте нормально приложило, благо, скафандры все это немного компенсировали.

Затем система откачала воду из шлюза, и мы с Диким вывалились в коридор. Я тронул чувствительный элемент под панцирем и активировал процедуру снятия скафандра. Груда мышц с меня сползла легко, а вот отблевываться и отплеиваться от «рассола» было до крайности неприятно. Но тут уж ничего не попишешь, с пустыми легкими на глубине делать нечего. Рядом в плавках и короткой футболке стоял на карачках Дикий, и тоже извергал из себя потоки «рассола». Но у меня опыта больше, я первым очухался и рванул в огневой комплекс, так как там было два места для стрелков, надо было скорее помогать Викингу.

После снятия скафандра плавки и футболка были мокрыми от «рассола», но меня это мало волновало, я ввалился в рубку огневого комплекса, плюхнулся в свободное кресло и натянул ассиметричную бортовую гарнитуру на голову.

– Очень кстати, – прокомментировал Викинг, передавая мне управление малокалиберными ракетами.

Я глянул на радар и остался доволен – Рипли вывела батиплан на придонный эшелон, а «Скат», оставаясь на сто метров выше, прицельно молотил по всем приближающимся радарным меткам. Получилось нечто вроде автоматической огневой точки, и пока там боеприпасы не кончатся, эту подводную крепость биотехам не взять. Правда, открытым оставался вопрос, как будут развиваться события, когда «Скат» отстреляется.

В принципе, у нас было два варианта, и мне, как командиру, предстояло выбрать один из них. Первый вариант был простым и достаточно удобным – добраться до базы «DIP-24-200» и перебить все торпеды огнем основных батарей. Но у меня не было уверенности, что нам хватит огня двух пушек, чтобы не подпустить крупные торпеды на дистанцию поражения. Они запросто могли торпедировать базу, тогда и ей конец, и нам не выбраться. Вторым вариантом был стандартный в таких случаях протокол – драпать на полной скорости под прикрытие береговых батарей Шри-Ланки.

Тут мне снова пришлось констатировать тактическую прозорливость Дикого. Если бы он остался на базе, и решил бы оттуда управлять «Катраном», у нас бы сейчас возникли проблемы. Причем, более серьезные, чем жизнь одного салаги. Даже если бы мы его бросили, торпеды раздолбали бы базу. Но они никогда не торпедировали объекты, если внутри не было людей.

Защитные на заводе инстинкты не позволяли им этого делать. Пустая база была в полной безопасности, а находишься там Дикий без ключей от огневых систем, и ему бы как-то настало, и базе.

Так же мы все находились на борту «Валерки» и нам ничего не мешало гнать до Шри-Ланки. Да еще и «Скат» нас прикрывает. В общем, действия Дикого, как ни крути, тянули на подвиг. На вполне серьезный подвиг, результатом которого стало спасение нас с Баком и базы «DIP-24-200».

– Рипли, гони на Шри-Ланку! – приказал я.

Впрочем, она и так по пологой дуге выворачивала на север, тоже не дурочка, даже без приказа предпочла не демаскировать базу, пока я не приму решения.

Глава 5. «Предположение»

Услышав мой приказ, Рипли добавила тяги маршевому и начала менять эшелон на менее глубокий. Торпеды, ясное дело, устремились за нами всей ордой, но теперь это уже не имело значения. Слишком большим у нас было преимущество в скорости. Я глянул на компас огневой пульта и убедился, что курс взят верно.

– Может, не надо на Шри-Ланку? – раздался в гарнитуре неуверенный голос Дикого.

Я крикнул. Сам не понял, то ли от удивления его наглостью, то ли от досады. Смешанными были мои эмоции, но точно не положительными.

– Обоснуй, – пробурчал я в микрофон.

– От основной стаи мы оторвемся за минуту, – спокойно ответил Дикий. – Зачем нам под прикрытием береговых батарей?

– Затем, мой юный друг, – произнес я, не скрывая иронии, – что у нас всего два варианта. Либо демаскировать базу, и на ней подвергнуться нападению биотехов, либо переждать на берегу, когда все рассосется. Ты сам разве не для этого покинул базу?

– Не понимаю. – Дикий замаялся. – Твари что, не нападают на пустые объекты?

Я хотел было ответить, что не нападают, но призадумался. Дикий этого мог не знать. Ему неоткуда это было знать, мы никогда при нем об этом не говорили. Я приписал его действиям логику, которой он никак не мог руководствоваться. Но тогда зачем он вообще покинул базу «DIP-24-20», почему не стал управлять «Катраном» дистанционно? Зачем ему понадобилось задействовать «Скат»?

Если бы меня кто-то спросил, с какого перепугу я придал этому вопросу столь большое значение, я бы ответить не смог. Точнее, для друзей ответ у меня был – интуиция. Чутье. И все много раз убеждались, что чутье меня не подводит. Тут же меня не покидало ощущение, что за поведением Дикого кроется нечто не просто интригующее, а жизненно важное. Зачем он вывел из эллинга «Скат»? Тупость? Но Дикий не был тупым, скорее напротив. Ему был свойственен цепкий ум, умение подмечать мелочи, развитая дедукция. Когда он служил юнгой на «Тапрабани», именно за счет этих качеств он занимал то положение, какое хотел. И в нашу команду он попал, по сути, благодаря хорошо продуманному шантажу, который никто из нас ему пока не простил. Даже с учетом спасения моей жизни. Мы его терпели, ввиду данных ему обещаний, которые не могли нарушить по весьма объективным причинам. Только и всего. До сегодняшнего дня, так уж точно.

Тут вставал другой важный вопрос – зачем ему вообще надо было влезать в нашу команду, где его точно никто не полюбит и боевым товарищем не посчитает? На этот вопрос у меня был ответ, и до сегодняшнего дня он мне казался вполне исчерпывающим. Когда Дикий выразил желание примкнуть к нашей команде, он ответил, зачем ему это надо. Он нечто интересное для себя нашел на дне океана, и ему нужно было до этой цели добраться. Никакого не было способа попасть на дно океана, если ты не охотник. Вот он и решил примкнуть к отряду охотников. Логично? Вполне.

Меня эта логика годами устраивала. Но сегодня меня взяли сомнения.

Дело в том, что одним из главных обещаний, данных Дикому под влиянием шантажа, было обещание предоставить ему на базе столько свободы, сколько он сам убедит меня ему дать. Но когда он попал на базу, я его сразу взял в ежовые рукавицы, и ни о каких свободах для него не было речи. Он только гальюны драил и тащил наряды там, где не сможет накосячить. При этом он ни разу меня не упрекнул в неисполнении обещаний, и ни разу ничего не попытался истребовать. Странно? На мой взгляд, да. Ну, если человек приложил не слабые усилия, чтобы попасть на дно океана, а потом никак этим не пользуется, драит гальюны, это не странно,

разве? Когда Дикий вывел «Скат» из эллинга базы и спас мою шкуру, его действия показались мне странными. Проще было бы управлять беспилотником с базы.

Когда Дикий использовал «Скат» в качестве автономной автоматической огневой точки, это внесло в его действия смысл. Когда я порадовался, что благодаря действиям Дикого опустела база, и ее теперь не раздолбают биотехи, я еще более укрепился в этой логике. И тут вдруг – бац! Все мои умственные построения полетели к дьяволу. Дикий не мог знать, что твари не нападают на объекты, если внутри не чувствуют людей. Значит, базу он покинул не ради того, чтобы ее обезопасить.

Может, и не ради моего спасения.

Все это могло оказаться побочным эффектом его планов по достижению неведомых мне целей. Наконец, меня осенило. Дикий мог вывести «Скат» из эллинга намного раньше, чем мы с Баком оказались в западне. Он просто дождался, когда останется на базе один, вывел «Скат», и отправился по одному ему известным координатам, собираясь втихаря вернуться. Но тут нас зажали, и ему пришлось вмешаться, чтобы не потерять меня, человека, уже давшего ему обещания.

Если бы я погиб, командиром взвода стал бы кто-то другой, и не факт, что Дикому бы удалось с ним так же успешно договориться, как со мной. У меня холодок пробежал по телу. В принципе, мою догадку было легко проверить. Достаточно просмотреть данные с курсового автомата «Ската», где хранится точное время выхода и весь пройденный маршрут. Дикий не знал, что твари не нападают на пустые объекты, он рассчитывал, что когда у «Ската» закончатся боеприпасы, биотехи разнесут его в клочья вместе с курсовым автоматом и содержимым памяти вычислителя. Но это не так. Когда «Скат» отстреляется, твари потеряют к нему интерес. Его будет сносить течением по занятому эшелону годами, пока он не потеряет плавучесть и не ляжет на дно. Но и тогда можно будет считать данные с курсового автомата.

Выходило, что для Дикого очень важным был мой ответ, нападают биотехи на пустые объекты или нет. От этого зависело, удастся ему замести следы или нет. Ведь если «Скат» уцелеет, то я узнаю, куда именно Дикий на нем ходил после нашего убийства.

Мне все стало ясно, все поведение Дикого с нашей первой встречи до сегодняшнего дня. Оно было до гениального просто. Он хотел на дно океана и попал на дно океана. Но он не собирался ни с кем из нас делиться своей находкой, поэтому, а не по какой-то иной причине, он не требовал от меня свобод, а смиренно чистил галюны и работал на камбузе. Когда же выдался случай, Дикий им воспользовался, угнал «Скат» и направился в неизвестном мне направлении.

Достиг он цели, или мы с Баком попали в западню раньше? На этот вопрос у меня ответа не было. Но мне остро, до одури, захотелось выяснить, что же такого Дикий нашел в океане, ради чего затеял и претворял в жизнь столь сложный и опасный план. Золото? Точно нет. Золота на дне океана столько, что любой охотник быстро становился богачом по меркам Метрополии. Это еще со времен Вершинского добрая традиция, он первый батиплан построил именно на деньги от продажи поднятого со дна золота. Нет. Дикий нашел что-то намного ценнее золота, но я представления не имел, что бы это такое могло быть. Трудно словами передать, какое любопытство меня обуряло, и какие предположения начали возникать в голове.

Самым адекватным мне представлялось, что Дикий, наблюдая за миграцией рыбок, обнаружил на дне термоядерную боеголовку. Мы-то их несколько штук нашли, и платформа, оснащенная термоядерными ракетами, не могла быть создана в единственном экземпляре. Я на собственной шкуре почувствовал, как Дикий способен шантажировать, имея на руках всего несколько десятков миниатюрных видеокамер. Если ему дать термоядерный боеприпас, он, не удивлюсь, всю Метрополию нагнет в неудобную для нее позу.

Другое дело, что термоядерная боеголовка – штука объемная, ее в чемодане не пронесешь.

На этой мысли меня так накрыло, что только держись. У меня реально холодный пот градом потек по спине от возникшей догадки.

Мы нашли боеголовки, оставшиеся поле смерти и разложения донной платформы. Но если Дикий, проводя анализ миграции рыбок, обнаружил живую платформу с термоядерными ракетами? Тогда, как минимум, ему не понадобится запихивать боеголовку в чемодан, чтобы провезти в Метрополию. Она сама долетит прекрасно, прямо из Индийского океана.

Если мое предположение верно хотя бы на четверть процента, ни в коем случае нельзя Дикого спугнуть. Нельзя дать ему понять, что я о чем-то таком догадался. Он хитер, умен, безжалостен. В нем почти начисто отсутствует эмпатия, он не способен ощущать чужую боль. Стоит ему понять, что он разоблачен, за наши жизни уже и гроша не дать. Он нас перебьет, угонит технику и сделает все, как считает нужным.

Я не питал иллюзий. Да, нас трудно убить. Очень. Но не проще нас нагнуть, заставить делать то, чего делать мы не хотим. Но Дикому это удалось – нагнуть всех нас. Теперь оставалось всего два варианта. Один – прямо сейчас свернуть ему шею, после чего отбить у биотехов «Скат», просмотреть данные курсового автомата и обезвредить опасную находку. Другой – затаиться, дать Дикому добраться до цели, и нахлобучить его уже там, как явного и конкретного врага.

Первый путь был намного проще, но пара аспектов меня останавливала. Ведь я мог ошибиться в предположениях, тогда погибнет хоть и гаденыш, но невиновный в том, что я про него выдумал. Но главное – курсовой автомат мог не привести нас к платформе. Дикий мог не успеть туда добраться. Биотехи нас зажали, ему это было не выгодно, значит, он мог свернуть с половины пути, с четверти, где угодно. Если его убить, платформа останется. Она живая, у нее программа, и кто знает, что этой программой предусмотрено? Вдруг она сама, без Дикого пальнет по Индии или по Европе?

Получалось, что Дикого трогать нельзя, пока не будет известно местоположение платформы. А там разберемся.

Сейчас важно было не прогадать с ответом. Дикий задал вопрос, ему важно, нападают биотехи на пустые объекты, или нет. Я уже понимал, почему ему важно. Соврать? Пусть думает, что «Скат» раздолбали и успокоится? Я не видел в этом особого смысла. Лучше сказать правду и посмотреть, как гаденыш будет выкручиваться. К тому же я не собирался выкидывать из головы, что он спас мне жизнь. Не важно из каких мотиваций он исходил при этом. Все это надо было учитывать, и я решил сказать правду:

– Биотехи не нападают на объекты, если не определили, что внутри находятся люди.

Дикий не ответил. Я понимал, что в его голове рождается какой-то план, и что он будет действовать, постарается прикрыться.

– Мы оторвались от тварей, – сказал Дикий после короткой паузы. – Они не смогли нас догнать, и рассредоточатся по огромной акватории. Их придется по одной отстреливать.

– Есть другие предложения? – Я не смог скрыть улыбочки, но Дикий оставался в коридоре у шлюза, и не мог ее заметить.

– Сбросить ход, путь твари попробуют нас атаковать, пока не расползлись. – ответил Дикий. – Они же нас все равно не догонят. Пусть бросятся в погоню всей толпой, не надо от них отрываться, можно отстреливать потихоньку.

– Боезапаса не хватит, – заявил Викинг.

Я чувствовал, что Дикому очень не хочется покидать базу «DIP-24-200», он лихорадочно придумывал контраргументы, чтобы остаться здесь, не идти на Шри-Ланку.

– На базе огромный боекомплект, – сказал Дикий.

– Какой смысл его расходовать, если можно прикрыться огнем береговых батарей, куда боеприпасы завозят по первому требованию? – уточнил я. – Мы выполнили большую работу,

и имеем полное право на отпуск. Вернемся на Тринидад, отдохнем, напишем отчет. Базу без нас биотехи не тронут. Потом вернемся и продолжим работу. У кого-то есть возражения?

Честно говоря, я был уверен, что Дикий расколется. Он был близок к своей цели, как никогда, он, наверняка, не хотел покидать акваторию, а при моей позиции у него был единственный способ побудить нас всех тут остаться – сказать правду. Но он не раскололся. Просто не ответил.

– Раз возражений нет, курс прежний, – сказал я в микрофон. – Но, Дикий прав, скорость лучше сбросить, надо загнать под огонь береговых батарей как можно больше тварей. Рипли, переходи на маневровые, но держи дистанцию.

– Нельзя расстреливать боеприпасы, нас на пути до Шри-Ланки могут ожидать сюрпризы, – предупредил Викинг.

– Конечно. Я и не собираюсь стрелять попусту. Но если сбросить ход, торпеды за нами увяжутся.

– Долго идти будем на маневровых, – прикинула Рипли. – Твари начнут собираться со всех сторон и могут нас зажать.

– Не зажмут. Уйдем в зигзаг, и все дела. Выполняй.

Рипли не стала препираться, как с ней иногда бывало, а погасила маршевую джюз и перешла на маневровые турбины. Торпеды за кормой, совсем было нас потерявшие, услышали, что мотор затих, и устремились за добычей. Они местами очень умные, а местами предельно предсказуемые. Мне даже пришла в голову идея, что можно сделать специальные устройства для генерации помех, чтобы сбивать биотехов с толку и побуждать двигаться в нужном направлении. Например, выдавать шум винтов через гидроакустические системы, и таким образом заманивать тварей на заранее организованные автоматические огневые точки.

Идея мне понравилась, я поделился ей с Викингом, чтобы не забыть, и мы принялись обсуждать технические вопросы и перспективы новой тактики. Через пару минут оказалось, что я не выключил микрофон, к обсуждению присоединились Бак и Рипли. Она предложила вообще ставить не один буй, как я предполагал изначально, а несколько, и включать их поочередно. Тогда, с точки зрения торпеды, цель будет телепортироваться за миг на милю, и у торпеды от этого могут мозги вскипеть.

– У них разум очень узко специализирован, – прикинула Рипли. – По большому счету, им на заводе вшивали достаточно много инстинктов, прямых инструкций, как действовать в той или иной ситуации, и твари определяют поведение перебором связей между текущим состоянием поля боя и тактикой из имеющихся в наличии. Если ситуация выйдет за рамки понятного торпедой, неизвестно, что она вообще будет делать. Может, взорвется к дьяволу, барракуда ее дери.

Такая возможность нас еще больше раззадорила, Викинг начал прикидывать, какая для этого может понадобиться аппаратная часть.

– Даже на базе «DIP-24-200» сеть подходящая гидроакустика, – припомнил он.

– Это ты о чем? – уточнил я.

– Активный буй-сканер, вроде тех, которые образуют заграждение вокруг Тринидада. Помните, Бодрый перепрограммировал их для излучения в диапазоне слышимого звука? Мощности таких буюв вполне достаточно, чтобы имитировать звук винтов.

– Отлично, – подвел я итог. – Раз у нас тут имеется такая техника, то и на Тринидаде она есть. Выпишем с десяток буюв и поэкспериментируем с ними в океане. Идея предельно интересная. Если Рипли права, если жесткая дезориентация может привести к взрыву биотеха, то заграждение вокруг острова сможет выполнять не только пассивную, но и активную функцию.

Я глянул на радар и разочарованно вздохнул. За нами увязалась лишь часть огромной орды. Оставшаяся сотня тварей не стоила того, чтобы с ними играть в кошки-мышки и удли-

нять время пути до Шри-Ланки. Остальные торпеды, по всей видимости, разошлись, кто куда, сообразив, что догнать нас не выйдет.

– Слишком мало тварей осталось, – произнес я в микрофон. – Нет смысла затягивать путешествие. Рипли, врубай маршевый. Если твари начнут стягиваться и пытаться нас зажать...

– Уходить в зигзаг, – закончила она за меня.

Да, Рипли выросла умной. Очень умной. Да еще и редкой красавицей. Когда она шла по коридору базы «DIP-24-200» в гидрокостюме, с тяжелым гарпунным карабином в руке, у нас у всех чутка дыхание замирало, не смотря на разницу в возрасте и на то, что всем она нам была кем-то вроде дочери. Понятное дело, что мы, не сговариваясь и никогда этой темы не поднимая, загоняли свои мужские инстинкты поглубже, но факт оставался фактом. При таком внешнем виде Рипли была на редкость умна и, как многие красивые и неглупые женщины, проявляла не вполне мотивированную ершистость по поводу и без повода.

Впрочем, я не был уверен, что все мужчины на базе стремились загнать свои инстинкты поглубже. Дикий и Рипли были почти ровесниками, и он, в отличие от нас, бывалых, порой заглядывался на нее, как кот на крынку со сметаной. Но самое удивительное, что ему это сходило с рук от самой Рипли. Заметив это несколько раз, я в ситуацию решил не вмешиваться. Рипли не дура, и уже вполне взрослая. Не хотелось мне ни в каком виде принимать участие в ее интимной жизни. В принципе, оно понятно – гормоны играют, а никаких претендентов, кроме Дикого, Рипли на базе не видела.

Хотя, думаю, дальше обмена взглядами дело все же не доходило. Рипли, как и мы, прекрасно знала, на что способен Дикий, и вряд ли мечтала стать мишенью для его шантажа.

Глава 6. «Наименьшее зло»

До Шри-Ланки мы добрались без происшествий, биотехов по пути встретилось мало, и когда мы оказались в зоне, подконтрольной береговым батареям, у нас еще оставались боеприпасы. После швартовки я сразу отправился в штаб, связался с базой «Крысолов», доложил по форме обо всем, что произошло и получил предписание на трехнедельный отпуск.

Можно было взять гравилет, добраться до «Тапрабани», погрузиться на эсминец, переданный в наше полное распоряжение, и на нем дойти до Тринидада. Пару раз мы так и делали, ведь океан уже в достаточной степени расчистили от тварей, чтобы отбить пару десятков нападений по пути. Но в этот раз на коротком совете мы решили оставить эсминец в покое и без затей купить билеты на баллистический лайнер.

Для всех, кроме меня, полет на баллистике не представлял ничего особенного, но я летать не любил. Одной пережитой авиакатастрофы в жизни достаточно, чтобы отбить любовь к полетам. Конечно, я не боялся. На дне океана страшнее, чем в небе. Но и радости полет не вызывал никакой.

В общем, я бы предпочел пойти морем, но мы все вымотались, и я не мог приказывать переться в Атлантику на корабле, сменяя вахты. Мы взяли гравилет, полетели в ближайший воздушный порт, а через двадцать часов ожидания и полета сошли в баллистическом порту Тринидада.

Не сказать, что мы редко бывали дома, но у меня каждый раз сердце билось чаще от предвкушения встречи с Чернухой и Мышкой. Хотя, если уж руку на сердце положить, весь наш отдельный взвод, если не считать Дикого, был и оставался одной семьей. Но все же Чернуха и Мышка – это совсем глубоко в сердце.

В порту у нас был свой гравилет на хранении, с боевой подвеской. Мы усадили за штурвал Рипли, сами забрались в десантный отсек и полетели над джунглями на юг, на Змеиный мыс, где стоял наш поселок с ресторанчиком «Три сосны». В поселке, согласно завещанию Вершинского, жили только мы сами, он не был подконтролен ни базе, ни муниципалитету прибрежного курорта. Это была полностью наша территория, мы ее по праву заслужили, первыми из охотников преодолев Атлантику и ступив на эту землю.

Впрочем, домов становилось все больше – сначала тут поселились Викинг с Баком, потом Рипли решила жить отдельно от приемных родителей, ну и инфраструктуру мы расширяли, возвели три новых эллинга, три ангара для гравилетов, склады для вооружения и припасов.

Мышка, понятное дело, первой заметила приближающийся гравилет, бросилась от океана через поселок к посадочной площадке. Я ее хорошо видел через проем люка, когда Рипли заложила вираж перед приземлением.

Наконец шасси гравилета коснулись земли и мы в полной мере оказались дома.

На крик Мышки выскочила сначала Чернуха в купальнике и парео, затем из «Трех сосен» Чучундра с Ксюшей, в футболках и шортах, за ними Борый со Светланой. Они уже пару лет как переселились сюда с «Тапрабани». Наверняка мы всех оторвали их от завтрака.

– Ура! – закричала Мышка. – Папка приехал!

– Ну ты и вымахала! – сказал я, спрыгивая на стеклон площадки, изрядно заметенный песком.

Мышка бросилась мне на шею, но усадить ее на плечи я не решился. Она действительно выросла. Хотя, чему удивляться, ей уже почти четырнадцать лет. Стала она очень похожей на Чернуху, такая же гибкая, поджарая, ловкая. Я покрутил ее, держа за руки, а она визжала от восторга, как маленькая.

– Нет, ты уже тяжеленная, – сказал я и опустил ее на ноги. – Пора с тобой придумывать более взрослые развлечения.

– Рыбалка! – выпалила она. – Мама научила меня ловить тунца с катера. Я одного зацепила, но сил не хватило вытянуть. Он меня чуть не уволок, честное слово!

– Было дело, – сказала Чернуха, прижалась ко мне и так горячо чмокнула в щеку рядом с ухом, что я был готов отказаться от завтрака в пользу более активного времяпровождения.

Пришлось продышаться, не хотелось выглядеть сексуальным маньяком.

– Так, кто у нас дежурный по камбузу? – Ксюша глянула на Светлану.

– Из быстрого могу яичницу с беконом, – сообщила она.

– Для начала пойдет. – Я кивнул. – Но мы вымотались изрядно, так что требуется серьезное пополнение энергии. В перспективе, к обеду, надо бы мяса, или запеченного на углях тунца.

– Ура! – Мышка снова запрыгала, не в силах справиться с эмоциями. – Будет рыбалка!

С океана дул ровный бриз, он растрепал мои волосы и мне стало так хорошо, как давно не было. Я обнял Чернуху за талию и мы направились в «Три сосны».

«Дома, – думал я на ходу. – Снова дома. Как же тут хорошо!»

Я заметил, что Мышка и Дикий обменялись чуть более долгими взглядами, чем раньше.

«Начнет ее клеить, шею сверну», – подумал я с решимостью.

Нет, ну правда, ей четырнадцать, а ему за двадцать. Мне только педофилии не хватало в поселке. Если что, сразу забуду о его участии в спасении моей жизни. Скажу, погиб при исполнении. С охотниками такое бывает.

Мы расселись за столом, и я занял командирское место в торце. Мы вкратце рассказали о тварях, которых уничтожили за время жизни на базе «DIP-24-200», а потом, более подробно, о последней операции. Конечно, я не мог не упомянуть роль Дикого в ней. Все это очень эмоционально восприняли, включая Чернуху и Мышку. Ясно было, что никто после этого уже не будет считать Дикого отщепенцем. Былые его гадости тоже не забудут, но иногда бывает у человека такой вот «главный полдень», который у Дикого случился вчера. Он не стал и вряд ли станет частью семьи, но он точно стал настоящим охотником и частью нашего отдельного взвода. Возможно, со временем, кому-то из нас он мог бы стать другом. Во мне же Дикий вызывал отчетливую тревогу, но я не мог понять чего опасаясь или за что волнуюсь. Ясно было, что это работает мое предчувствие, интуиция, которая никогда меня не подводила, но я не мог разобраться, на основе каких данных она делает выводы.

В «Трех соснах» почти не было стен. Покрытая пальмовыми листьями крыша держалась на четырех столбах, а кухня была отделена деревянной перегородкой. Ветер свободно гулял по столу, заставляя трепетать салфетки, и ничего не мешало видеть, как невысокие волны вылизывают прогретый солнцем песок.

Светлана подала нам шикарную яичницу с беконом, и когда я ее доел, окончательно понял, что срочно нуждаюсь в отдыхе.

– Кто как, а мне надо поспать, – сказал я, вставая.

– А рыбалка? – Мышка глянула на меня с укором.

– Мышь, папе надо отдохнуть, ты же слышала, что вчера было, – сказала ей Чернуха.

– Еще он говорил, что хочет на обед тунца. Дядя Бак, папа отлынивает, давайте с вами возьмем катер и поймаем тунца.

– Я тоже еле на ногах держусь. – Бак рассмеялся.

Мышка надула губы и обвела взглядом оставшихся в поисках жертвы.

– Ты умеешь ловить рыбу? – Она поймала в прицел своих глаз Дикого.

Тот пожал плечами и ответил:

– Это было моей работой, ты же знаешь.

– Вот! – Мышка подняла указательный палец. – Ты рыбий научник, ты тут лучше всех умеешь ловить рыбу. Дядя Бодрый, дайте ключи от катера.

Бодрый, как ни в чем ни бывало, снял с крючка за стойкой бара брелок с ключ-кристаллом, и кинул Мышке. Та ловко поймала и первой направилась к эллингу.

Я понимал, что надо вмешаться, просто необходимо это пресечь, но я не мог найти благовидного предлога для этого, а выглядеть тираном в глазах друзей не хотелось. Наконец, я нашел выход.

– А давайте порыбачим всей семьей! – предложил я, глянув на Чернуху. – Вы с Мышкой займетесь снастями, я порулю, а потом посплю на палубе.

Чернуха меня почувствовала. Она вообще была невероятно чуткой, как никто больше. Даже Ксюша в свое время не чувствовала меня так, хотя мы с ней много лет были напарниками в очень непростых условиях. Я знал что Чернуха не меньше меня хотела бы уединиться со мной, без Мышки, но умение чувствовать подсказало ей, что альтернативных вариантов предлагать не следует.

– Так-то лучше! – с победным видом произнесла Мышка, и сразу потеряла к Дикому интерес.

Тот пожал плечами, взял в холодильнике пиво и вернулся за стол. Это меня тоже насторожило, но уже вполне осознанно. Похоже, Мышка уловила мое негативное отношение к Дикому и решила разыграть эту карту. Она его нарочно выбрала, понимая, что я ее с ним не отпущу, и у меня не будет выбора, кроме как отправиться с ней в океан.

– Готовь катер, – я улыбнулся, как ни в чем ни бывало, обнял Чернуху и направился к дому. – Мы с мамой переоденемся и будем через полчаса.

– Понятно. – Мышка фыркнула, покрутила брелок на пальце и направилась к катеру.

«Слишком многое ей уже становится понятно», – подумал я и вздохнул.

Переодевание у нас с Чернухой заняло минут сорок. Стоило нам остаться наедине, страсть так охватила нас обоих, что мы перед ней не смогли устоять.

– С Диким что-то не так? – спросила Чернуха, когда мы, удовлетворившись друг другом, принялись одеваться. чтобы не заставлять Мышку ждать лишнего.

– С ним все не так. Ты же знаешь.

– Он рисковал жизнью, чтобы спасти твою. Люди меняются. Хочешь мое мнение?

– Конечно. – Я присел возле кровати и погладил ее по волосам, забранным в хвостик.

– Скажи, вот если бы на кону стояла судьба мира, на что бы ты пошел, чтобы его спасти?

– Ну. Это очень абстрактно.

– Нет, это очень конкретно. – Чернуха встала с кровати, натянула топик на голое тело, надела плавки, а поверх завязала парео. – Вот, ты, прикинь, работаешь на станции «Тапрабани», нашел что-то важное, от чего может зависеть судьба человечества, но у тебя низкий социальный статус, тебя никуда не пускают. Ты бы пошел на шантаж, чтобы получить доступ к интересующему тебя объекту?

– Нет, – уверенно заявил я. – Я бы точно не стал цеплять камеры людям, чтобы заснять их интимные проявления. Ни ради чего.

– Пусть мир сгорит, лишь бы не сделать видео, как три работницы камбуза дрочат вместе?

– Ты смотрела папку? – Я смутился.

– Да. Она у Викинга в нашем общем облаке. И, заметь, Дикий никому эти материалы не показал. Он их просто хранил, чтобы мотивировать людей на помощь ему. Вы с Викингом ознакомили с этими роликами больше людей, чем сам Дикий. Точнее он ознакомил с ними только тех, кто в кадре.

– Ты его оправдываешь? – Я всерьез удивился.

– Я пытаюсь смотреть беспристрастно на человека, который спас тебе жизнь, – спокойно ответила Чернуха. – Для меня это важно. Я не знаю, что нашел Дикий и что он задумал. Но я вижу, что он идет как бы по пути наименьшего зла.

– Да брось! – Я рассмеялся.

- Не брошу. Наоборот, попрошу тебя посмотреть на его поведение с моей точки зрения.
- Путь наименьшего зла? – Я задумался, прогоняя в памяти все, что знал о Диком.

Действительно, с этой точки зрения все несколько иначе выглядело, чем с привычной для меня. Чернуха была права, Дикий никому не показывал ролики. Мы сами их у него украли и положили в папку, открытую для всего взвода. Дикий никому не причинил прямого вреда. Наоборот, он бросился меня спасать, отложив, возможно, главное дело своей жизни.

– Нда... – Я прервал затянувшуюся паузу. – Твоей точке зрения в моих наблюдениях ничего не противоречит.

– Учитывай это, пожалуйста, в дальнейших отношениях с Диким, – попросила она. – Иногда требуется капля зла, чтобы получить возможность сделать море добра.

– Спасибо, – от души поблагодарил я. – Никому из нас в голову не пришло так глянуть на это. Но ты права, даже когда Дикий нас шантажировал, он никому никакого зла не причинил. Он просто добивался своей цели сомнительными методами.

– Сомнительными. – Согласилась Чернуха. – Но от них никто не пострадал. У меня такое ощущение, что он все очень четко просчитывает. Бывает такой склад ума, знаешь, как у шахматистов. И еще. Попытайся узнать о его прошлом, до того, как он пропал на «Тапрабани».

– Это зачем?

– У меня есть предположение.

– Поделись. – Я заинтересовался.

– Если принять мою версию об особом складе ума, Дикий мог попасть на «Тапрабани» не случайно. Возможно, он не просто что-то нашел, а знал о существовании этого, а на «Тапрабани» лишь искал подтверждение. У него заметно травмированная личность. Я, как женщина, вижу это лучше тебя, не спорь. Он сирота. Что стало с его родителями? Где он жил с ними? Почему погибли оба? Почему его не забрали другие родственники? В общем, не пори горячку и не цепляй ярлыки. Давай разберемся, я тебе помогу.

– Хорошо. Только будь на моей стороне, для меня это важно.

Она обвила рукой мою шею и поцеловала в губы.

– Ты дурачок, – сказала она, и коснулась пальцем кончика моего носа. – Пойдем, а то Мышь нас заждалась.

– Она не маленькая, прекрасно знает, зачем мы уединились. – Я пожал плечами.

– Именно поэтому будет дуться. Для нее это еще не имеет того значения, которое имеет для нас, и она думает, что мы всякими взрослыми глупостями занимаемся, вместо того, чтобы ловить рыбу.

Мы вышли из дома. Оказалось, что Мышка не только умудрилась самостоятельно вывести катер из эллинга, но и ошвартовала его у пирса. Я помахал ей рукой. Она ответила.

– Не дуется, – заметил я. – Она взрослеет, и для нее наши взрослые глупости перестают быть глупостями и приобретают значение.

– Наверное, ты прав. – Чернуха взяла меня за руку и мы направились к катеру. – Это называется гормональная обусловленность желания. Пока ее нет, «писька» – просто смешное слово, ничего больше. А когда появляется, меняется очень многое.

– Это уж точно, – произнес я, вспомнив, как в лагере менялось мое отношение к Ксюше с чисто дружеского на полное эротизма. – Слушай, а ты только сами видеоролики смотрела в папке, или отчет Дикого тоже?

– Ты про исследование о биологии акватории?

– Да.

– Просмотрела, но не нашла там ничего интересного. Мне кажется, ни у кого из нас не хватает образования в этой области, чтобы понять, о чем оно.

– Но у меня есть предположение. – Я решил с ней поделиться. – Мне кажется, на основе изучения пищевых цепочек, Дикий обнаружил признаки присутствия очень крупного биотеха.

- Платформа?
- Гигантская платформа, – уточнил я. – С ракетами, длиной в тридцать метров или даже больше.
- С термоядерными боеголовками? Живая? – Чернуха задумалась.
- Если я прав, то твоя теория о пути наименьшего зла может оказаться несостоятельной, а моя, о маленьком подлом шантажисте, заиграет новыми красками.
- Интересно. Если он нашел такую платформу, почему не сообщил об этом?
- Вот. Тут твоя теория начинает пошатываться. А моя дает ответ. Дикий не хочет, чтобы платформу убили. Он хочет взять ее под контроль, как мы это делали, и шантажировать Метрополию, пригрозив термоядерным ударом по городам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.